

Первая половина XVIII в. – время кардинальной смены парадигмы развития российского, в т. ч. сибирского, сообщества под влиянием европейских идей, вызвавших «интеллектуальную миграцию» европейцев в Сибирь, а россиян – в Европу.

The changing paradigm problem in the sphere of development of Siberian cultural society. This article presents the problem of full changing paradigm in the development of Russian and Siberian society under the influence European concepts which provoked intellectual migrations of the Europeans to Siberia, and the Russian to Europe at the beginning of the XVIII th century.

Ключевые слова: сибирское сообщество, цивилизационные ценности, культурные традиции, диалог сибирских культур, «тобольский тип культуры», социокультурные процессы на территории Сибири в XVIII в.

В 2009 г. исполнилось 300 лет со дня рождения Г. В. Стеллера – выдающегося естествоиспытателя, соединившего научным поиском Европу, Азию и Америку, волей судьбы не востребованного на родине, а в Сибири нашедшего как применение своим знаниям, так и место вечного успокоения... Его юбилей стал поводом для того, чтобы поразмышлять над тем, что судьбы подобных людей есть отражение процессов, происходивших в крае в первой половине XVIII в. Это стало временем кардинальной смены парадигмы развития российского, в т. ч. сибирского, сообщества, игравшей моделирующую роль в развитии человечества под влиянием европейских идей. Время и обстоятельства вызвали к жизни «интеллектуальную миграцию», когда на запад направились «птенцы гнезда Петрова» за научными знаниями о законах развития общества, науки, природы, а на восток – ученые, за «опытом выживания». Это, по сути, оставалось уделом немногих, стремившихся расширить границы познаваемого мира, использовать накопленные (и часто невостребованные на родине) знания. Представления многих уроженцев Западной Европы о Сибири исходили из понятий «цивилизованная» и «дикая». Г. Ф. Миллер к наиболее цивилизованному относил коренных сибиряков, находившихся в орбите мусульманской и буддийской культуры [1].

В тот период на Урале и в Сибири, наряду с прежними формами колонизации – промысловой, аграрной – появилась старопромышленная, в т. ч. и горнозаводская, а в «строящихся с начала XVIII века городах-заводах можно отчетливо проследить рационализацию и секуляризацию их культурного ландшафта, стремление подчинить силы природы практическим задачам производства» [2]. Это требовало соответствующего кадрового обеспечения, и мигранты из Западной Европы (ученые, врачи, инженеры, военные, мастеровые) тот «прорыв» обеспечили, концентрируясь в уральских и сибирских городах, в т. ч. и в Притомье. Наименее подверженными изменениям оказались представители русского крестьянства, казачества, купечества, не говоря уже об аборигенном и коренном населении.

Если исходить из европейского понимания, то для Нового времени характерен качественный переход в научном и философском мышлении: от теократической картины мира к антропоцентризму, где культурные феномены, составляющие содержание

этого процесса (секуляризация и рационализация), охватывали если не все, то многие аспекты человеческого бытия. Н. Ю. Баложина предложила выделять 4 типа российских ученых рубежа XVII – XVIII вв.: «латинский ученый», «греческий ученый», «государственник», «просвещенный аристократ» [3], к которым, полагаем, можно отнести и часть элиты в Западной Сибири, хотя Новое время в крае имело другую форму, иной облик его носителей. В определенной степени, заметим, к ней можно причислить и некоторых сибирских митрополитов (Филофей Лешинский, Иоанн Максимович и др.) – носителей православной учености, все же пытавшихся осмыслить окружающий их мир в иной парадигме, которые стали прямыми исполнителями воли правителей.

Именно с 1710-х гг. начинается новый этап в истории региона, хотя и прошедший под знаком зависимости от постоянно менявшейся политики властей Российской империи, но одновременно и усилившегося притяжения к общероссийской цивилизации. Данное пространство стало коммуникационным полем, где встретились принадлежащие к европейскому и азиатскому миру культуры. «Поле столкновения» этих миров было многослойным: в российской модели общественных отношений в то время господствовала идея верховенства государства над личностью; в западных цивилизационных ценностях – приоритет личности над обществом; в азиатском пространстве – абсолютно коллективистское начало (род, семья, племя). Петр I «не питал к Европе слепого и нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием» [4], но именно благодаря царю еще в 1700 г. вышел Указ, направленный на «европеизацию и русификацию Сибири» через массовую христианизацию.

В Сибирском крае принимались меры по подготовке собственных кадров «эры Просвещения»: в 1701 г. Петр I приказал в Тобольске «непрерменно школу открыть»; в 1703 г. была создана архиерейская школа, в 1711 г. для детей каролинов – бывших воинов армии Карла XII и тоболяков организовал школу капитан К. В. фон Врех (обучение шло по методике профессора Г. А. Франке из немецкого г. Галле); в 1716 г. в Сибирь откомандировали учеников Московской навигационной школы для создания здесь гарнизонной, в которой обучались дети служилых людей из Туринска, Пельма, Сургута,

Березова, Кетска, Красноярска и Кузнецка, а в 1732 г. аналогичные школы для обучения казачьих и солдатских детей были открыты в Томске, Красноярске, Якутске и др. В 1751 г. при Барнаульском госпитале создали первую в регионе медицинскую школу. Подготовленные там специалисты возвращались на «малую родину», где обогащенные знаниями, активно включились в процессы модернизации экономики и, очевидно, культуры, поскольку их учили еще первые «птенцы гнезда Петрова», открытые инновациям, полученными за рубежом и в российских столицах. Таким образом, европейские цивилизационные ценности оказались транспортированными и в Притомье.

Требование уважать чужие культурные традиции и ритуальную практику, очевидно, есть общепринятая норма поведения и могут быть признаны правильными (хотя вряд ли с такой жесткой мерой наказания за проступок), если не принимать во внимание, что ничего похожего не предусматривалось ни за поношение *другой* веры, ни за оскорбление служителей *другого* культа, хотя очевидно – это присутствовало, так же, как и притеснения по вере, ограничения в строительстве и внешнем виде культовых построек.

Для данного периода не только в российских документах характерно смешение конфессиональной и этнической принадлежности, где существовали обезличенные понятия – «немец» и «басурманы». Так, русская поговорка XVIII – XIX вв. говорила о посещавших Европу: «Наши бары за морем бусурманятся, а домой воротятся, свое и не любят» [5]. Не меньше проблем в понимании этноконфессиональной специфики было у западноевропейцев, попавших в Сибирь. В записках У. Хорда любопытно наблюдение: «Вокруг той горы расположены избышки татар-вогулов, которые похожи на калмыков с маленькими глазками, плоским носом и широким лицом. Эта нация имеет жалкие дома на татарский манер и исповедует их религию», хотя дальнейшее описание их «бога, который живет в лесах и на их языке называется шайтан» [6], свидетельствующее о явной путанице. Семантика «новых» образов, естественно, не всегда совпадала с прежними, что во многом было связано с культурно-религиозными и социально-политическими различиями, историческими шаблонами. Так, в текстах приезжих европейцев нередко присутствовали ценностные ориентиры и библейская образность, не всегда понятные жителю Азии, где его регион – не «край света», что необходимо «открыть». Печально, что стереотипы XVIII в. имеют место в сибиреведении и в начале XXI в., где фигурируют образы «колонизируемой территории», не принимается во внимание, что в течение долгого времени, преодолевая противоречия и конфронтацию, через диалог сибирских культур, образовался альянс интересов. Очевидно, что западноевропейцы уже в эпоху Просвещения духовно обогатили новую родину, оставаясь представителями все-таки собственной элитарной культуры (с ее рационализмом мышления), как и носителями вновь освоенной речевой лексики, присущей высшим слоям российского общества, с которыми они, преимущественно, общались.

Поскольку документы того времени в сибирской администрации создавались по шаблонам (в соответствии со сложившейся традицией канцелярского письма), то по ним трудно судить о живой разговорной речи, языковом сознании их авторов. Насколько использовали участники экспедиций – уроженцы немецких земель, русский язык, «свои» микросистемы лексических средств свидетельствует их переписка с российскими и европейскими коллегами, созданные здесь научные тексты или описания.

Особо преуспел среди немецких ученых-сибиреведов в познании русского языка Г. Ф. Миллер (используя его для передачи особенностей речи коренных жителей края), т. к. считал, что этнические различия заключаются не в нравах и обычаях, ни даже в религии. Единственным «безошибочным признаком» остается язык. Разрушая стереотипы, заложенные в Средневековье, Миллер положил в основу классификации научный принцип сходства языков, исправляя целый ряд этнографических ошибок, существующих, порою, и в настоящее время. Он нередко обращался к живой народно-разговорной речи, усматривая в «корнеслове» следы былых взаимовлияний. Так, анализируя часто встречающийся в регионе гидроним «Тура», Г. Миллер приводил тюркские версии, уточняя на русском языке: «Татаре имя реки Туры выговаривают Туре, а вогуличи, которые чаятельно еще до татар в сих местах жили, оную реку Тере или Терей-я называют, так что татарское звание может быть взято от вогуличей».

В российских документах чаще указывалась религия индивида и реже – место его прежнего жительства, национальность же не упоминалась совсем. Под такими этнонимами, как «поляк», «швед», «немчин», «бухаретин» и др. понималось прежде всего подданство человека, хотя впоследствии (при интерпретации архивных материалов) данное указание позволило получить выводы об их этнической принадлежности [7]. Отметим, что они не всегда совпадали с реальностью. Под несколькими тысячами «шведов» – каролинов, «застрявших» в Западной Сибири на десять с лишним лет, могли пониматься также финны, немцы, эстонцы, латыши, литовцы, ингерманландцы, французы, поляки, немцы, евреи и даже шведские цыгане [8]. К тому же, строевые части армии Карла XII (24300 чел.) сопровождала огромная группа нестроевых: 2250 раненых, больных и инвалидов; 300 нестроевых артиллеристов; 1100 чиновников военной канцелярии; 4000 конюхов, денщиков, возниц, работников, а также особо специфическая категория – 1700 женщин и детей, т. к. привычкой офицеров (и даже некоторых рядовых) шведской армии было желание брать с собой в походы семью, прислугу и даже предметы домашней утвари и обихода [9]. Согласно инструкций Сибирского приказа, с 1711 г. пленные каролины размещались в Тюмени – 1000, Туринске – 200, Тобольске – 3000, Таре – 500, Березове – 200, Томске – 1000, Мангазее – 100, Кузнецке – 500 чел. [10], что составляло достаточно высокий процент от общего числа местных жителей в регионе. Насколько это

изменило внешний облик, например, Кузнецка, сказать трудно, но изменения по социокультурным параметрам в городе все же произошли, поскольку этому способствовало размещение города (первоначально крепости) на «пороге» – месте пересечения нескольких цивилизаций и множества культур. Появление нескольких сотен европейцев, иногда вместе с семьями, изменяло и отношение к ним местного населения.

По идее, оказавшись в плену, семейным легче было перенести невзгоды, но для большинства каролинов жизнь на чужбине – тяжелое физическое и моральное испытание: «Сибирь была ужасною землей для иностранцев. Она была далека от цивилизации со своими варварскими народами» [11]. Давили и обстоятельства – часть из каролинов оказались не востребованными, т. к. рядовые исполняли тяжелые работы и влачили нищенскую жизнь, а власти отбирали для использования в городах и крепостях офицеров, младший командный состав, медиков, инженеров, саперов и артиллеристов. Именно эта часть пленников не бедствовала, и вместе с другими иностранцами (также сконцентрированными в нескольких городах: служащими, ссыльными) воплощала, сама того часто и не подозревая, идеи Нового времени. Естественно, что появление образованных европейски, воспитанных в протестантских культурных ценностей, частью профессионально и социально востребованных в Сибири людей, не могло не сменить парадигмы и общую направленность культурного процесса.

Они кардинально отличались от «человека Средневековья» представлениями о мире и причинно-следственных связях, да и просто грамотностью. Очевидно, что эта часть бывших воинов Карла XII духовно обогатила Сибирь и скрасила жизнь соплеменников в плену [12]. Оставаясь представителями все-таки собственной элитарной культуры (с ее рационализмом мышления) и одновременно носителями вновь освоенной речевой лексики, присущей высшим слоям сибирского общества, с которыми они преимущественно общались. Показательно, что некоторые иностранцы подписывались в документах по просьбе русских сибиряков [13], поскольку были грамотны и более просвещены в правовых вопросах.

Другой вопрос: соответствовали ли их знания европейских кодексов установкам Уложенного права 1649 г., которым еще руководствовались в России? Немаловажно и понимание ситуации: в Сибири они – иноверцы, не отличимые для православных россиян от *бусурман*, или *свои*, составляющие цивилизационно-культурную целостность? На основании анализа исторических фактов можно констатировать – они были *чужими* для массы, независимо от вероисповедания и социального статуса, а элита каролинов была *своей* для небольшого круга сибирских «питомцев гнезда Петрова» и просвещенных коренных сибиряков.

Каролины в большинстве своем не желали, да и не имели условий для межконфессиональных связей и тем более диспутов, но иногда вынужденно вступали в конфликты [14]. Лишь некоторые выстраива-

ли взаимовыгодный *диалог* с местными жителями и потому, не будучи учеными, записали немало интересных наблюдений из жизни сибиряков, невольно приобщаясь к научным методам сбора информации, участвуя в работе экспедиций, в т. ч. Великой Северной, отправившейся в Сибирь по указанию Петра I.

В экспедиции Д. Г. Мессершмидта, обследовавшего и «огнедышащую гору» в окрестностях ст. Карлык, принял участие офицер, уроженец Померании Ф. И. фон Страленберг (Таберт), который еще до экспедиции собрал значительный сибиреведческий материал [15]. Он же приобрел в 1720-х гг. рукопись Абу-л-Гази Бахадур-хана «Шаджара-и турки» [16] и организовал ее перевод на русский язык. Если рассмотреть данное событие с позиции диалога культур, то оно отражает тот уровень контактов, когда обращение к наследию помогает преодолеть идейное противостояние христианского и мусульманского миров. Насколько возможно в тех внешних условиях и личных обстоятельствах, Страленберг заметил: «Коренные народы – естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках» [17], а И. Е. Фишер объективно описал обряд крещения при Филофее [18].

Как отмечала Л. И. Сазонова: «XVII в. ознаменовался в России сменой культурных ориентаций с греко-славянского Востока на латинский Запад, принесся в литературу ориентальную тематику» [19], но это имело лишь косвенное отношение к смене ценностных ориентаций образованной части российского общества. Все же замечалось: «По обитанию зовутся русские, и чтоб одно за другое смешано не было, как-то: некоторые о том неправильно показывают, якобы татару нас правоверными зовут». В XVIII в. процесс ассимиляции аборигенного и коренного населения с участием переселенцев из Европейской части России вообще казался неизбежным [20].

Именно на «изломе» этих процессов и тенденций возник «тобольский тип культуры», который, как отмечено в Сибирской советской энциклопедии, характерен и для других городов Западной Сибири [21], в т. ч., как полагаем, и для Кузнецка. Этот тип культуры стал своеобразным результатом соединения традиционной культуры, основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур и европейского образования; влиянием идей Просвещения и сосланных сюда позже декабристов; примером «золотого века» русской литературы и просвещенного провинциализма.

Необходимо отметить, что синергетические закономерности ярко проявились в тот период именно в сфере социокультурных процессов, поскольку в многообразии форм и особенностей – в контексте формирования «ответственного» человека – там выстраивалась генерализирующая идея – потребность в образованных людях, получивших возможность карьерного роста и предпринимательства.

Мир Сибири, безусловно, существовал задолго до немецких исследователей, но феномен состоит в том, что эти люди оказались здесь не только проводниками европейской цивилизации и протестантского типа мышления. Своими делами они расширили границы познаваемого мира как в Европе, так и в Азии, формируя новый тип мышления.

Литература

1. Элерт, А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера [Текст] / А. Х. Элерт. – Новосибирск, 1999. – С. 93.
2. Федоров, Р. Ю. Освоение регионов Урала и Западной Сибири как социокультурный процесс: структура, коммуникации, ценности [Текст] / Р. Ю. Федоров: дис. ... канд. филос. наук. – Тюмень, 2009. – С. 3, 79.
3. Балошина, Н. Ю. Российские ученые на рубеже XVII–XVIII вв.: образы и мифы [Текст] / Н. Ю. Балошина // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – СПб., 2005. – С. 25.
4. Ключевский, В. О. Сочинения [Текст]: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М., 1989. – Т. 4. – С. 133.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1991. – Т. 1. – С. 53.
6. Шебалдина, Г. В. Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих [Текст] / Г. В. Шебалдина // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. – М., 2009. – С. 54.
7. Клюева, В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.: проблема взаимодействия) [Текст] / В. П. Клюева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – Вып. 5. – С. 131.
8. «В Швеции было трудно встретить в XVII – XVIII вв. цыгана, который не был бы солдатом хоть несколько лет». – См.: Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. – Воронеж, 2001. – С. 33.
9. Энглунд, П. Полтава: рассказ о гибели одной армии [Текст] / П. Энглунд; пер. со швед. С. Белокриницкой, Т. Доброницкой; прим. В. Артамонова. – М., 2009. – С. 59.
10. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в [Текст] / Г. В. Шебалдина. – М., 2005. – С. 42.
11. Aberg A. Karolinerna och Osterlandet: Karl XII:s krigare i rysk fangeskap och pa upptactsfard-er i Orienten och Sibirien [Текст]. – Stockholm, 1967. – S. 31.
12. Есть европейский «след» и в рождении сибирского театра, когда не только воспитанники митрополита Филофея, но и каролины были инициаторами постановки музыкальных и театральных действ, расширяя через художественные образы представление сибиряков об окружающем мире. Очевидно, что это происходило в протестантской интерпретации, нацеленной на активное освоение мира, а не только на его «чувствование».
13. Курилов, В. Н. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. [Текст] / В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1986. – С. 30.
14. Это могло грозить более тяжелым наказанием.
15. В 1719 г. составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги» с соответствующими описаниями и комментариями.
16. Отправлена Д. Г. Мессершмидтом в Европу. – см.: Кононов А. Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» [Текст] / А. Н. Кононов // Сов. тюркология. – Баку, 1971. – С. 3-12.
17. Катанов, Н. Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг [Текст] / Н. Ф. Катанов // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. – Т. 19. – Вып. 2. – Казань, 1903. – С. 105-128.
18. Фишер, И. Г. Сибирская история [Текст] / И. Г. Фишер. – СПб., 1774. – С. 419.
19. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время [Текст] / Л. И. Сазонова. – М., 2006. – С. 607.
20. Валеев, Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт [Текст] / Ф. Т. Валеев. – Казань, 1993. – С. 173 – 175; Файзрахманов, Г. Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. [Текст] / Г. Л. Файзрахманов. – Казань, 2002. – С. 252 – 256.
21. Анисимов, К. В. Сюжет о Ермаке в сибирской словесности XIX в. (П. П. Ершов, И. Т. Калашников, Н. М. Ядринцев) [Текст] / К. В. Анисимов // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт само-описания: [колл. монограф.]. – Томск, 2003. – С. 35 – 50; Сибирская советская энцикл. – Т. 3. – Новосибирск, 1932. – Стб. 168; Ярков, А. П. П. П. Ершов и «тобольский тип культуры» [Текст] / А. П. Ярков // П. П. Ершов и культура Тюменского региона: сб. ст. – Тюмень, 2005. – С. 10 – 13.